

Су Ли, усыновлен. Усыновитель: Су Нянь.

Комплекс неполноценности был как прозрачное зеркало — яркое, прозрачное, беспощадное и реальное. Оно отражало истинную уродливую суть вещей, выставляя напоказ скрытую фальшь.

Стоя перед этим зеркалом, Су Ли никогда так сильно не ненавидел себя.

Комплекс неполноценности — это еще и эмоция, которая следует по пятам, словно огромный питон, обвивающий шею, душащий и не дающий возможности дышать.

Комплекс неполноценности Су Ли был врожденным, пропитал самую его суть. Его происхождение, его рождение — всё это делало Су Ли похожим на верблюда, неспособного нести груз своих грехов. Он не мог поднять ноги, чтобы шагнуть вперед, не мог взобраться на ближайший холм, оставаясь в молчании и бездействии.

Су Чэнь много думал о том, что, если бы Су Ли был другим, была бы его жизнь такой отвратительной?

Если бы Су Ли мог стоять на солнце с гордо поднятой головой, имея законный статус и близких людей, был бы он цел и счастлив?

Су Чэнь сделал это. Он дал Су Ли всё это. Теперь он мог стоять на солнце, не боясь никого и не боясь никаких сомнений. Он был младшим в семье Су, приемным сыном.

Су Ли мог стоять на солнце, принимая прямые взгляды других. Су Ли мог стоять на солнце, принимая доброту других. Су Ли мог стоять на солнце, выпрямив спину, принимая восхищение других...

Сквозь прозрачное стекло спальни он смотрел на улицу внизу. Ночь постепенно сгущалась, осенний ветерок приносил легкую прохладу.

В спальне, оформленной в черно-белых тонах, Су Чэнь полулежал на диване, полностью расслабившись, с закрытыми глазами. Образ Су Ли, как кадры из видеозаписи, непрерывно прокручивался в его голове.

Каждое движение Су Ли, его голос, его выражение лица — всё это было так похоже на него самого в прошлом. Что он делал тогда? Терпел, подвергаясь атаке слов, более жестоких, чем мечи и копья, встречая насмешки, прячась в темных углах и зализывая раны, весь покрытый шрамами.

Затем он снова боролся, отвергая эту несправедливую жизнь, отвергая всё, включая доброту. В итоге его путь становился узким, ведущим в тупик. Он сходил с ума, становился крайним, а затем исчезал из этого мира, не оставив даже ряби...

Теперь Су Ли был как ежик — колол других, но еще сильнее колол самого себя...

Он ведь был именно таким... таким крайним... таким решительным...

— Тук-тук-тук!

Неожиданный стук в дверь. В этом особняке было только двое.

— Брат...

Это был хриплый голос Су Ли, в котором слышалась сильная дрожь от плача.

Су Чэнь пошевелил пальцами, но не ответил, продолжая лежать с закрытыми глазами, будто спал.

Спустя некоторое время дверь спальни Су Чэня всё же открылась. Она открылась тихо, с легким скрипом.

Су Ли по-прежнему был в своей светло-голубой домашней одежде. В руках он держал прозрачную коробку с часами и документ об усыновлении. Он медленно вошел в комнату, осторожно ступая по ковру, и не сводил глаз с Су Чэня, который отдышал, откинувшись назад.

Су Чэнь слышал каждый звук в комнате. Он слышал, как Су Ли медленно подошел к нему, слышал его почти неслышный зов.

— Брат, я был неправ.

Су Чэнь открыл глаза, услышав, как Су Ли снова всхлипнул, извиняясь.

— Вставай, кто разрешил тебе становиться на колени?

Голос Су Чэня был мягким и теплым, совершенно не похожим на того, кто всего минуту назад сжимал его подбородок с жестокой силой.

Су Чэнь смотрел, как Су Ли выпрямил спину, но продолжал прямо стоять на коленях перед ним, не собираясь встать. Он положил вещи из рук на стол перед Су Чэнем.

— Брат.

Су Чэнь видел осторожный взгляд Су Ли, его пробную попытку приблизиться, как он неуверенно протянул тонкие кончики пальцев, чтобы коснуться руки Су Чэня, а затем медленно сжал её.

Су Чэнь не двигался, спокойно наблюдая за этой осторожностью Су Ли. На самом деле он уже смягчился.

Он не хотел, чтобы Су Ли страдал, не мог вынести мысли о том, что тот испытает хоть каплю горя в этом мире. Су Ли должен был быть таким же счастливым, как и другие дети.

Су Ли наконец-то взял руку Су Чэня. Его глаза загорелись — это был взгляд, полный надежды, прекрасный и наполненный светом.

Су Ли слегка покачал её, его голос стал мягким, умоляющим:

— Брат, прости, я знаю, что был неправ. Не сердись, ладно?

Су Чэнь сидел на диване, кончиком ноги двигаясь по ковру. Он бросил взгляд на лицо Су Ли и, заметив красный след на губе, почувствовал раздражение на самого себя. Он слишком сильно сжал его, оставив след. С тяжелым вздохом Су Чэнь наконец накрыл ладонь Су Ли, покачал её, потом подался вперед и, подняв другую руку, бережно коснулся ушиба на губах Су Ли, с заботой спросив:

— Больно?

Су Ли поднял глаза на Су Чэня. Его глаза были такими же мягкими, как всегда, такими серьезными, словно звездное небо, сияющее и яркое. Су Ли почувствовал, что просто ослеп. Этот человек, несомненно, относился к нему хорошо от начала и до конца.

Су Ли слегка покачал головой и опустился на колени к Су Чэню, словно немного капризничая, и пробормотал:

— Когда брат сердится, это очень страшно. А Ли рассердил брата, А Ли приносит извинения.

Глядя на смиренного Су Ли, Су Чэнь застыл. Он никогда ни перед кем не проявлял слабости, даже когда был изранен, он продолжал гордиться, никогда не опуская головы.

Рука Су Чэня замерла в воздухе, а затем уверенно опустилась и, сохранив позу Су Ли, погладила его растрепанные волосы. Движения были медленными, нежными и ритмичными. Су Чэнь тихо произнес:

— Мой Су Ли — трусливый человек, но очень сильный...

Су Ли замер на коленях Су Чэня, затих...

Су Ли чувствовал, что места, которых касался Су Чэнь, стали горячими, обжигающими. В груди было неопишуемое ощущение — горькое и тягостное, но в то же время теплое.

Лежа на коленях у Су Чэня, Су Ли почувствовал, как мир размылся, стал неясным. Он не видел ничего, не видел Су Чэня, не слышал никаких звуков, кроме тех нежных слов, звучащих у него над ухом:

— Мой Су Ли — самый сильный человек в мире. Брат любит тебя.

Слезы в уголках глаз затуманили зрение, намочив штаны Су Чэня...

— Брат, я, возможно, не такой хороший, как ты думаешь. Я... — голос Су Ли сорвался на хрип, но он не смог договорить.

Су Ли хотел сказать: «Я плохой, я делал много плохих вещей, я не такой послушный, каким ты меня видишь...»

Но в итоге все слова застряли у него в горле.

Никто раньше никогда не говорил Су Ли спокойно, что он сильный. Никто раньше никогда не гладил его так, словно родного человека. Никто раньше никогда не давал ему того, что называется «любовью». Су Ли никогда не видел солнца и не чувствовал этого тепла.

— Вставай, Су Ли. У парня под коленями золото. Не разрешается стоять на коленях.

Дети есть дети: то плачут, то смеются, то злятся, то буянят, но ничего не поделаешь — Су Чэнь поддавался на это.

Осень — это свежее время года, ясное и мягкое.

На небе сияли звезды. После первого за дня приема пищи — ужина — Су Ли убрал посуду и послушно выпил молоко, которое ему велел Су Чэнь.

— Малыш, тебе это.

После ужина Су Чэнь, держа в руках новые изысканные часы из серии «Водяной призрак» — подарок от Шэнь Юэси, — остановился в дверном проеме кухни, небрежно прислонившись к косяку.

Су Ли, весь в фартуке с Губкой Бобом, усердно тер посуду. Каждое его движение казалось Су Чэню невероятно милым.

— Брат, — обернулся Су Ли, продолжая мыть тарелки. Его растрепанные челки послушно лежали у виска.

— Малыш, это для тебя.

Су Чэнь слегка встряхнул прозрачную стеклянную коробку на весу, убедившись, что Су Ли заметил её, а затем положил на обеденный стол в гостиной, после чего вернулся в спальню.

Су Ли старательно вымыл тарелку, вытер руки полотенцем, висевшим на стене кухни, и лишь затем подошел к обеденному столу, чтобы открыть то, что оставил ему Су Чэнь.

Изящные и дорогие маленькие зеленые часы.

Это были те самые часы, которые Су Чэнь в гневе швырнул на пол утром. Су Ли тогда положил их на стол в спальне Су Чэня, и вот теперь они снова оказались перед ним.

Су Ли провел пальцем по циферблату. Он был очень изящным, невероятно красивым.

<http://bllate.org/book/16562/1512010>